



### III.

## Обзоръ лирическихъ произведеній М. Ю. Лермонтова.

1. Взглядъ Лермонтова на поэта и его служеніе обществу (стих. «Поэтъ и Пророкъ»).
  2. Взглядъ на современное общество (сатиры «1-е января» и «Дума»).
  3. Отношеніе людей къ природѣ и всему чистому и невинному въ человѣческомъ мірѣ (стих. «Три пальмы», «Намѣти А. Одоевскаго» и «Молитва—Я, Матерь Божія»).
  4. Лермонтовское «безочарованіе» (стих. «Благодарность»).
  5. Объясненіе такого состоянія (стих. «Ангель»).
  6. Всегдашняя внутренняя борьба и временное успокоеніе: а) въ религіи (стих. «Молитва» и «Вѣтка Палестины») и б) въ созерцаніи красотъ природы («Когда волнуется желтѣющая нива» и «Родина»).
  7. Мрачное состояніе души поэта подъ вліяніемъ тѣхъ-же картинъ (стих. «Тучки» и «Выхожу одинъ я на дорогу»).
  8. Отчаяніе поэта (элегія «И скучно, и грустно»).
  9. Жизнь—борьба для борьбы («Шарусь»).
  10. Сознаніе крайности такого положенія («Сосна») и невозможности примириться съ обществомъ («Дубовый листокъ»).
- Сужденіе о характерѣ лирическихъ произведеній Лермонтова. — «Казачья колыбельная пѣснь», какъ образчикъ положительнаго идеала и поэтическихъ мечтаній Лермонтова.



а поэта и его служеніе Лермонтовъ смотрѣлъ чрезвычайно высоко. По его взгляду „сладкіе звуки и молитвы“ поэта должны имѣть самую тѣсную связь съ жизнью; будучи, „сынами небесъ“, поэты являютъся на землю именно „для житейскаго волненія и для битвъ“ съ несовершенствами жизни, какъ представители высшаго, идеальнаго элемента въ полной матеріальныхъ нуждъ и заботъ жизни человѣка. Само собою разумѣется, что высокое призваніе поэта быть неусыпнымъ руководителемъ мнѣній, чувствъ и стремленій общества во всѣхъ явленіяхъ



его жизни, — то указывая на ту цѣль, къ которой оно должно стремиться на пути своего умственного, нравственного и гражданского развитія, то обличая за уклоненіе отъ этой цѣли, — требуетъ отъ самого поэта готовности жертвовать своими личными интересами въ пользу блага общества, служа осуществленію его съ горячностью, постоянствомъ и самопожертвованіемъ, характеризующими дѣятельность пророковъ. Въ стихотвореніи „Поэтъ“ Лермонтовъ приводитъ весьма оригинальную параллель между судьбою кинжала, такъ хорошо исполнявшаго свое назначеніе въ бояхъ съ врагами и оскорбителями владѣльца и потомъ украшеннаго золотыми ножнами съ богатою рѣзьбою, попавшаго на стѣнку любителя рѣдкостей и отъ бездѣйствія покрывшагося ржавчиной, и судьбой поэта, на золото промѣнявшаго высокое положеніе влстителя думъ и стремленій вѣка и съ потерю внутренней силы и значенія заговорившаго съ обществомъ „скучнымъ, простымъ и гордымъ языкомъ“, начавшаго потѣшать его „блестками и обманами“. Въ концѣ стихотворенія Лермонтовъ обращается къ этому „осмѣянному пророку“ съ воззваніемъ снова встать на прежнюю высоту своего назначенія.

Но насколько такая высокая и широкая задача служенія поэта обществу могла быть выполнена въ современной жизни даже поэтомъ съ энергіей и доблестями древняго пророка, лучше всего видно изъ другого стихотворенія Лермонтова „Пророкъ“, гдѣ общество, когда-то обращавшееся къ поэту съ требованіемъ „давать ему строгіе уроки“, стало бѣшено бросать въ пророка камнями и безжалостно изгнало его изъ своей среды, когда онъ началъ, вмѣстѣ съ „провозглашеніемъ чистыхъ ученій любви и правды, читать въ очахъ людей“ и, значитъ, обнаруживать, обличать „страницы злобы и порока“. Опечаленный, оскорбленный пророкъ удаляется въ пустыню, чтобы, такъ сказать, дать людямъ время сознать свой грубый поступокъ, раскаяться въ немъ. Здѣсь поэтъ рисуетъ трогательную картину жизни пророка въ пустынѣ. Чуждый заботъ

о матеріальныхъ благахъ пророкъ явился здѣсь нищимъ, скитальцемъ, питавшимся тѣмъ, чѣмъ питались неразумные обитатели пустыни; но за то чистая, невинная природа успокоила его, наполнила сердце его радостью. Не уклонно сохранившая завѣщаніе своего Творца и вѣрная своему назначенію „служить человѣку“ не только земная тварь явилась покорною пророку, но даже небесныя звѣзды слушали его, выражая свою радость игрою лучей. Отъ этой свѣтлой картины жизни неспорченной растлѣвающимъ вліаніемъ человѣка природы поэтъ снова переходитъ къ изображенію мрачнаго состоянія общества. Пока пророкъ жилъ въ пустынѣ, изгнавшіе его люди еще болѣе убѣдились въ законности своего поступка, успѣли подыскать наглядныя, неопровержимыя доказательства своей правоты, и вотъ, лишь только пророкъ снова появился на улицахъ шумнаго города, самодовольные старцы надменно указывали на него своимъ дѣтямъ, какъ на грустный образецъ, до чего можетъ довести человѣка гордость, слѣпая мечтательность и неумѣнье „ужиться“ съ людьми; въ его „угрюмости, худобѣ и блѣдности, въ его наготѣ и бѣдности“ и особенно въ общей ненависти и презрѣніи къ нему они видѣли наглядное и яркое доказательство не благословенія, а отверженія Божія.

Дѣйствительно, въ такомъ не испорченномъ только, но совершенно развращенномъ въ основныхъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ обществѣ не могло быть мѣста ни пророку, ни поэту съ ихъ чистыми и высокими идеалами и стремленіями; а именно такимъ извратившимся, искалѣченнымъ представлялось Лермонтову современное ему общество, что ясно видно изъ двухъ его сатиръ: „Первое января“ и „Дума“. Въ первой изъ нихъ поэтъ выражаетъ „горечь и злость“ при видѣ пустоты и бездушія общества, собирающагося только для веселья, убивающаго время безъ всякой живой мысли, серьезной и опредѣленной цѣли. Даже собравшись для веселья, эта пестрая толпа остается бездушна, какъ маской, стянута мелочными прили-



чіями, условными движеніями и манерами, повторяетъ напередъ приготовленныя и затверженныя рѣчи. Искренности, задушевности, прямоты отношеній здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Неудивительно поэтому, что такая толпа представляется Лермонтову не живыми людьми, а рядомъ масокъ, изъ-подъ которыхъ не проглядываетъ ни одной естественной, свободной, чисто-человѣческой черты. Фальшь, пустота и ничтожность всей этой извратившей и убившей въ себѣ естественное человѣческое чувство толпы является для него еще ярче и рельефнѣе, когда рядомъ и въ параллель съ нею онъ рисуетъ себѣ свѣтлую картину сельской жизни, посреди естественной, простой обстановки, съ чистымъ идеаломъ юности и красоты, прельщающимъ и возвышающимъ душу, вызывающимъ сердце къ жизни и любви. При сопоставленіи этихъ картинъ въ душѣ поэта еще сильнѣе возбуждается горечь и злость при мысли, что эта прекрасная, полная естественности и чистой жизни картина есть только мечта, воспоминаніе, что злая дѣйствительность осудила его жить „подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей“ именно среди этихъ бездушныхъ масокъ вертящихся въ заученной пляскѣ, при дикомъ шопотѣ рѣчей и шумѣ музыки. Полный негодованія и отвращенія къ этому лишенному искренности и жизни обществу поэтъ проникается желаніемъ

«Смутить веселость ихъ»

И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,  
Облитый горечью и злостью».

Еще болѣе тяжелое и горькое чувство наполняетъ душу поэта, когда онъ въ сатирѣ „Дума“ ближе и глубже всматривается въ смыслъ и значеніе окружающей его жизни и, такъ сказать, задаетъ себѣ вопросъ: что даетъ эта жизнь для ума и сердца?—Молодое поколѣніе, цвѣтъ и надежда общества, представляется ему нравственно безсильнымъ, въ молодомъ тѣлѣ, „когда огонь кипитъ въ крови“, преждевременно изсох-

шимъ отъ бездѣйствія, потерявшимъ энергію, износившимся, заѣденнымъ апатіей и скукою отъ недостатка разумной жизни и здоровыхъ интересовъ. Оно уже убило въ себѣ эти высшіе интересы, идеальныя стремленія; не наслаждаясь, дошло до пресыщенія во всемъ, чѣмъ свѣтла и красна жизнь человѣка: познанья явились для него только „бременемъ“, такъ какъ бесплодная наука изсушила его умъ рядомъ сомнѣній; лучшія надежды, благородныя стремленія и самыя страсти „осмѣяны невѣріемъ“ и глубоко затаены въ душѣ, какъ „безполезный кладъ, зарытый скупостью“, почему умъ и чувства его не шевельнутся сладостнымъ восторгомъ даже отъ созданія искусства или мечты поэзіи; воля его оказывается постыдно равнодушною къ добру и злу или позорно малодушною предъ всякою опасностью; наслажденія, удовольствія перестали быть источникомъ возбужденія его желаній, такъ какъ, потому же самому неумѣнно обращаться съ благами жизни, „бояся пресыщенья“, молодое поколѣніе, „едва коснувшись до чаши наслажденія, навсегда извлекло изъ нея лучшіе соки“ и тѣмъ погубило юныя свои силы; даже любовь и ненависть—эти болѣе другихъ сильныя страсти—проявляются въ немъ слишкомъ вяло и совершенно случайно, потому что молодое поколѣніе, похоронившее въ своей груди „остатокъ чувства, ничѣмъ не хотеть жертвовать ни злобѣ, ни любви“, Словомъ—современное поэту поколѣніе представляется ему влачащимъ жизнь „безъ счастья и безъ славы, съ царствующимъ въ душѣ какимъ-то тайнымъ холодомъ“, или, употребляя его же образное выраженіе, „тощимъ плодомъ, созрѣвшимъ до времени“. Его прошедшее до того безцвѣтно и ничтожно, что можетъ дать матеріаль только для горькой насмѣшки и не представляетъ ни одного сколько нибудь живого, страстнаго, благороднаго увлеченія; его настоящее—это „ровный путь безъ цѣли, пиръ на праздникъ чужомъ“; понятно отсюда, что и будущее его должно быть вполне „пусто“, или же, по меньшей мѣрѣ, „темно“. Такое общество поэтъ справедливо называетъ „угрю-





мою толпой“, долженствующей пройти надъ міромъ „безъ шума и слѣда“,

«Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovитой,  
Ни гениемъ начатаго труда».

И потомокъ будетъ совершенно правъ, когда, обсуждая жизнь своихъ предковъ, оскорбитъ ихъ прахъ „презрительнымъ стихомъ“, или „горькою насмѣшкою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“. Эта послѣдняя сатира, служа лучшимъ выраженіемъ мрачнаго, безотраднаго взгляда Лермонтова на современное ему общество, въ то же время прекрасно характеризуетъ его какъ сатирика: онъ не смѣется, не издѣвается надъ порокомъ, а сурово, беспощадно бичуетъ его своимъ „желѣзнымъ стихомъ, облитымъ горечью и злостью“.

Понятно, что такіе люди, какими ихъ представляетъ Лермонтовъ, должны были на все окружающее ихъ оказывать только растлѣвающее, разрушающее вліяніе; при столкновении съ ихъ грубыми, эгоистическими интересами должно было ветшать, искалѣчиваться или даже вовсе гибнуть все невинное, чистое и прекрасное въ природѣ и человѣческомъ мірѣ. Въ стихотвореніи „Три пальмы“ поэтъ наглядно представилъ гибель прекраснаго оаза отъ грубаго, эгоистическаго прикосновения человѣка. Полнымъ разрушеніемъ, уничтоженіемъ, огнемъ да „пепломъ сѣдымъ и холоднымъ“ заплатилъ человѣкъ природѣ за ея всегдашнюю готовность „служить“ ему: за отраднѣйшій отдыхъ, за мирнѣйшій, гостепріимнѣйшій ночлегъ. Въ высшей степени грустное, тяжелое впечатлѣніе производитъ паденіе, подымаемое безпощадными ударами топора, „питомцевъ столѣтій“, такъ радушно привѣтствовавшихъ появленіе въ средѣ ихъ человѣка, исчезновеніе, подымаемое палящими лучами аравійскаго солнца и насыщеннаго пескомъ вѣтра, „студенаго ручья“, щедро поившаго своей живительной влагой нежданныхъ гостей, и наконецъ полное уничтоженіе и превращеніе очаровательнаго оаза въ дикую пустыню. На этой грустной картинѣ раз-

рушенія поэтъ, какъ нельзя болѣе кстати, оставляетъ преемникомъ эгоисту-человѣку такого-же хищника-коршуна, терзающаго и щиплющаго свою добычу.

Точно также „холодный свѣтъ“ не падаетъ и въ человѣческомъ мірѣ всего чистаго, невиннаго и прекраснаго. Въ стихотвореніи, посвященномъ памяти А. И. Одоевскаго († 1839 г.) и носящемъ тоже названіе, Лермонтовъ оплакиваетъ смерть друга, съ которымъ онъ на Кавказѣ „дѣлилъ тоску изгнанья“, и который погибъ „далеко отъ друзей, не дождавшись сладкой минуты возврата къ роднымъ полямъ“. Другъ этотъ рожденъ былъ для лучшихъ надеждъ, „поэзіи и счастья“, но «рано бросилъ сердце въ море шумной жизни, и свѣтъ не пощадилъ его“, не далъ развиться его душѣ, согрѣть „летучему рою вдохновеній“, а связалъ его „коварными цѣпями“, почему онъ отрекся отъ свѣта, полюбилъ „шумъ моря, молчанье синей степи и губчатые хребты мрачныхъ горъ“, что послѣ его смерти все соединилось вокругъ „неизвѣстной“ его могилы.

Зная пагубное вліяніе „свѣта“ на чистыя, невинныя существа, поэтъ обращается съ молитвою („Молитва“) къ образу Богоматери и поручаетъ „теплою заступницѣ міра достойную счастья невинную дѣву съ незлобнымъ сердцемъ и прекрасною душой“, прося принять ее подымаемый своей покровъ, оградить отъ тлетворнаго вліянія „холоднаго міра“ и во всѣ времена ея жизни окружить ее счастьемъ.

Нисколько не удивительно, что, представляя современное общество издѣленнымъ всевозможными недугами и понимая разрушительное вліяніе его на все окружающее, самъ Лермонтовъ менѣе всего могъ сочувствовать этому обществу, такъ какъ современная жизнь радикально противорѣчила его возвышеннымъ, идеальнымъ взглядамъ и стремленіямъ. Мало этого: современная жизнь являлась ему исключительно своими мрачными сторонами, почему о примиреніи съ нею, объ успокоеніи не могло быть и рѣчи: поэтъ совершенно разошелся съ дѣйствительностью, отрицалъ, презиралъ ее. Но, съ другой



стороны, самъ Лермонтовъ не выработалъ хотя сколько нибудь опредѣленнаго идеала, который онъ могъ бы, если не поставить на мѣсто этой растлѣнной дѣйствительности, то противопоставить ей. Въ этомъ отношеніи его поэзію еще Жуковскій вполне справедливо охарактеризовалъ мѣткимъ названіемъ „поэзіи безочарованія“. Отсутствие положительнаго идеала, къ достиженію котораго можно было бы стремиться, на которомъ утомленная мысль и тревожное чувство могли бы отдохнуть, успокоиться, необходимо вызывало томительное, мрачное, безотрадное настроеніе. Поэтъ всегда жилъ „подъ бурей сомнѣній и страстей“ и до того сжился съ этимъ тревожнымъ состояніемъ, что даже считалъ нужнымъ съ грустной ироніей „благодарить“ судьбу „за тайныя мученія страстей, за горечь слезъ, за мечь враговъ и клевету друзей, за жаръ души, растроченный въ пустынь“, и „просить ее устроить“ лишь такъ, чтобы ему недолго еще пришлось „благодарить ее“ за вышеупомянутыя благодѣянія („Благодарность“).

Въ душѣ этого „безроднаго въ свѣтѣ странника съ пустынною душой“ происходила постоянная томительная борьба бурныхъ страстей, сомнѣній и предчувствій, возвышенныхъ желаній, порывовъ и стремленій. Самъ Лермонтовъ находилъ это тяжелое, безвыходное состояніе совершенно естественнымъ, такъ сказать, врожденнымъ душѣ человѣка. Полное таинственности и чудной гармоніи стихотвореніе „Ангель“ представляетъ наглядное рѣшеніе этого именно вопроса. Соединяя философское ученіе Платона о предсуществованіи душъ съ христіанскимъ вѣрованіемъ въ ангеловъ, какъ посредниковъ между небомъ и землею, поэтъ рисуетъ въ высшей степени трогательный и привлекательный образъ ангела, въ таинственный часъ полуночи несущаго душу съ неба, горней обители блаженныхъ духовъ, на землю, „въ міръ печали и слезъ“, и напутствующаго ее „святыми пѣснями о Богѣ великомъ и о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ“. Чудные звуки святой пѣсни, хотя „безъ словъ“, обо-

значающихъ собою опредѣленные понятія, а только лишь въ видѣ „звуковъ“, воспоминаній, порывовъ и стремленій, навсегда запали въ „младую душу“ и живо сохранились въ ней; вотъ почему

«Долго на свѣтѣ томилась она,  
Желаніемъ чуднымъ полна,  
И звуковъ небесъ замѣнить не могли  
Ей скучныя пѣсни земли».

Вотъ почему въ душѣ человѣка, не погрязшаго окончательно въ одной лишь матеріальной сторонѣ жизни, постоянно пробуждаются эти „чудныя желанія“, возникаютъ неопредѣленные порывы, стремленія къ чему-то высшему, лучшему. Ни заботы и труды, ни удовольствія и потѣхи ежедневной мелкой дѣйствительности не въ силахъ подавить, заглушить въ душѣ этой потребности къ высшему, лучшему, этихъ „чудныхъ желаній“, словомъ—полное удовлетвореніе человѣка не возможно въ кругу обыкновенныхъ условій земной жизни. Стремленіе къ идеальному есть существенная, прирожденная потребность человѣческой души, залогъ человѣческаго совершенствованія, несомнѣнный признакъ высокаго нравственнаго назначенія человѣка на землѣ. Отсюда сомнѣніе, безпокойство, постоянная тревога, неудовлетворенность настоящимъ, вѣчные порывы куда-то, къ чему-то, словомъ—борьба идеальныхъ стремленій съ несовершенствами дѣйствительности. Чѣмъ богаче, воспріимчивѣе и впечатлительнѣе натура человѣка и чѣмъ бѣднѣе въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ окружающая его среда, тѣмъ тяжелѣе и несноснѣе являются для него „скучныя пѣсни земли“, тѣмъ глубже и сильнѣе чувствуется внутренній разладъ и тѣмъ менѣе остается надежды на успокоеніе.

Именно такимъ глубокимъ внутреннимъ раздоромъ, чуждымъ полнымъ успокоенія, отличается поэзія Лермонтова. Поэтъ путается въ цѣпи неразрѣшимыхъ сомнѣній, приходитъ къ



полному отчаянію и только временно, такъ сказать, на минуту, находить иногда облегченіе, успокоеніе наболѣвшей страдальческой своей душѣ. Такимъ временнымъ переходомъ къ спокойствію отъ врожденной склонности къ тревогѣ отличается стихотвореніе „Молитва“. Поэтъ рисуетъ мрачную картину душевнаго своего состоянія, когда неразрѣшимыя сомнѣнія подавили въ немъ вѣру въ божественное провидѣніе, а сердце его наполнено тяжелою, безвыходною грустью. Въ эту, дѣйствительно, „трудную минуту жизни“ онъ обращается къ „чудной молитвѣ“ и въ ея благотворной, всеуспокоивающей силѣ получаетъ облегченіе, утѣшеніе и врачеваніе глубокихъ душевныхъ ранъ: бремя сомнѣнія далеко скатывается съ его души; возвратившаяся вѣра вызываетъ благотворныя слезы, и въ обновленной душѣ его водворяется спокойствіе. Вообще, не смотря на всегдашнюю „бурю сомнѣній и страстей“, религиозное чувство было живо въ душѣ поэта. Пораженный таинственной, полной „мира и отрады“ обстановкой въ молельной А. Н. Муравьева († 1874 г.), автора „Путешествія по свят. мѣстамъ“, онъ въ квартирѣ же Муравьева написалъ „дышащее благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплотою молитвы, кроткимъ вѣяніемъ святыни“ стихотвореніе „Вѣтка Палестины“, въ которомъ выразилъ глубокое чувство религиознаго благоговѣнія, вызванное воспоминаніемъ о св. Землѣ, откуда принесена находившаяся за иконою палестинская вѣтка.

Но не всегда религиозное чувство было въ состояніи поддерживать „миръ и отраду“ въ „пустынной и тревожной“ душѣ поэта. Въ стихотвореніи „Когда волнуется желтѣющая нива“ снова рисуется мрачная картина безотраднато состоянія души. Томительная душевная „тревога“ царитъ во всей своей силѣ, проводя глубокія морщины на челѣ поэта; вѣра въ Провидѣніе потеряна, а съ нею погибла и надежда на земное счастье. Но на этотъ разъ поэтъ находитъ исходъ изъ этого мрачнаго состоянія въ созерцаніи свѣтлыхъ красотъ природы. Онъ рисуетъ рядъ очаровательныхъ картинъ: картину окончанія

лѣта съ созрѣвшими нивами и созрѣвающими въ садахъ сочными плодами, картину весны съ обрызганнымъ росой серебристымъ ландышемъ, привѣтливо кивающимъ путнику своею головкой, и картину „студенаго ручья“, въ жаркій лѣтній день распространяющаго по оврагу пріятную прохладу и своимъ журчаніемъ лепечущаго разнѣжившемуся и замечтавшемуся путнику таинственную сагу про далекій, „мирный край“. Мягкія, мирныя красоты природы производятъ животворное, смягчающее, успокоивающее душу впечатлѣніе; въ ихъ созерцаніи поэтъ умиляется царствующимъ въ природѣ гармоническимъ порядкомъ, снова видитъ промысляющую о мирѣ и человѣкѣ десницу Божию и вѣритъ въ возможность счастья на землѣ.

Еще болѣе успокоивающее и ободряющее впечатлѣніе производитъ стихотвореніе „Родина“, въ которомъ поэтъ высказываетъ полное и глубокое сочувствіе свое природѣ и простой жизни. Онъ сознается, что онъ сильно и искренно любить отчизну, но какою-то особенною „странною любовью“. Его сочувствія не вызываетъ то, что обыкновенно возбуждаетъ восторгъ въ патриотѣ: ни купленная кровью слава родины, ни горделивое сознаніе могучихъ силъ, ни завѣтныя преданья старины „не шевелятъ“ въ немъ „отраднато мечтанья“; но его влечетъ къ себѣ безграничный просторъ ея лѣсовъ, степей и полей, „подобные морямъ разливы рѣкъ“, печальныя деревни съ покрытыми соломой избами, нивы съ зажженнымъ жнивомъ, изъ края въ край Россіи простая сельская жизнь, непрерывный, тяжелый трудъ съ рѣдкимъ, неизысканнымъ весельемъ.

Но и на этомъ глубокомъ сочувствіи всему бодрому и здоровому въ жизни народа, всему сильному и прекрасному въ природѣ не могъ совершенно успокоиться Лермонтовъ, не „могъ забыться и заснуть“, подобно Пушкину, тихимъ, безмятежнымъ сномъ. Въ самыхъ картинахъ природы, по видимому, мирныхъ, прелестныхъ, онъ видѣлъ иногда сходство съ



собственнымъ мрачнымъ душенастроениемъ; такъ въ стихотвореніи „Тучки“ онъ завидуетъ этимъ „вѣчно холоднымъ и свободнымъ странникамъ, чуждымъ страстей“, что у нихъ нѣтъ родины, нѣтъ и изгнанія, что ихъ не гонитъ ни тайная зависть, ни открытая злоба, ни ядовитая клевета друзей. И при созерцаніи очаровательныхъ картинъ природы ему по прежнему было „*больно и трудно*“. Стихотвореніе „Выхожу одинъ я на дорогу“ начинается именно такою чудною, восхитительною картиною благодатной лѣтней ночи. Торжественнымъ, чуднымъ шатромъ раскинулся величественный сводъ неба, усѣянный милліонами ярко-блестящихъ звѣздъ; спокойно спитъ покрытая голубымъ сіяньемъ земля; ничто не нарушаетъ таинственной тишины этой очаровательной, благодатной ночи: только мятежной душѣ поэта, какъ всегда, „*больно и трудно*“. Самъ поэтъ не можетъ дать себѣ отчета о причинѣ такого томительнаго состоянія: явилось-ли оно вслѣдствіе постоянного безпокойнаго ожиданія чего-то, или же вслѣдствіе долговременнаго сожалѣнія объ утратѣ прошлаго? Но вполне разочарованный во всемъ, онъ откровенно сознается, что ему совершенно чужды ожиданія отъ будущаго, а равно и потери въ прошедшемъ; онъ жаждетъ только покоя и свободы отъ гнетущихъ его душу сомнѣній, порывовъ и страстей, желалъ бы даже „забыться и заснуть на вѣки“, но заснуть не холоднымъ могильнымъ сномъ, а, такъ сказать, слиться съ природой, вполне сохранивъ притомъ жизненные силы, чувствовать въ себѣ бѣніе жизни, сознательно наслаждаться красотами природы и сохранить въ себѣ лучшее и высшее изъ всѣхъ чувствъ разумныхъ существъ—чувство любви. Очевидно, что осуществленіе высказанныхъ поэтомъ желаній положительно *невозможно*, и его разочарованному чувству не суждено найти успокоенія.

Но особенно мрачнымъ чувствомъ горькаго разочарованія и отчаянія проникнута элегія „И скучно, и грустно“. Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія,—это по-

хоронная пѣснь всей жизни. Здѣсь поэтъ высказываетъ разочарованіе не въ благахъ только жизни, въ ея выраженіи, а въ самой жизни, въ ея сущности. Онъ беретъ все, что есть лучшаго въ жизни: дружбу, желанья, любовь и страсти и находитъ, что ни одна изъ этихъ сторонъ жизни человѣка не представляетъ собою ничего успокоительнаго, устойчиваго, неизмѣннаго. Дружба измѣнчива, непостоянна, не даетъ надежной опоры въ „минуту душевной невзгоды“; желанья—не сбыточны, напрасны и только тѣшатъ, усыпляютъ человѣка, пока незамѣтно одинъ за другимъ невозвратно проходятъ его лучшіе годы; любовь—тоже, помимо трудности выбора предмета любви, временна, преходяща; внутренняя жизнь, въ свою очередь, не даетъ поэту отрады: въ немъ самомъ „и радость, и муки, и все такъ *ничтожно*“; даже сладкій недугъ страстей рано или поздно ослабѣваетъ или вовсе „исчезаетъ при словѣ разсудка“; самая, наконецъ, жизнь при „холодномъ вниманьи“, при свѣтѣ строгой, разсудочной мысли оказывается въ глазахъ поэта „*пустою и глупою шуткой*“. Этимъ полнымъ „безочарованіемъ“, положительнымъ отсутствіемъ идеала, къ достиженію котораго поэтъ могъ бы стремиться и на которомъ успокоился-бы его мятежный духъ, объясняется всегдашняя тревога, какое-то безпричинное волненіе, инстинктивное влеченіе къ безпокойству, постоянное, безуспѣшное исканіе идеала, осуществленія стремленій, которыя остаются только стремленіями и не поддаются уясненію сознанія; это какая-то стихійная, слѣпая борьба для борьбы, бунтъ во имя самаго бунта.

Такое безотрадное душевное состояніе прекрасно выражено въ стихотвореніи „Парусъ“, гдѣ подъ аллегорическимъ образомъ паруса является мятежный духъ самого поэта. Для него всѣ положенія и состоянія совершенно одинаковы: край родной и край далекой, страшная морская буря и свѣтлая небесная лазурь, свѣтъ и тѣни, счастье и несчастье—чужды и даже враждебны ему. Онъ не можетъ дать себѣ отчета, зачѣмъ бросилъ родину и направился въ далекой край, не можетъ ска-



зять, что недовольный существующимъ, настоящимъ, онъ ищетъ лучшаго будущаго: онъ „бѣжить не отъ счастья“, но и „не ищетъ счастья“. Ему нужна только буря, борьба, какъ будто бы въ ней, въ самомъ процессѣ борьбы, онъ въ состояніи найти желанный „покой“, потому что въ мятежной натурѣ его лежитъ инстинктъ раздора, бунта, борьбы. Состояніе мрачное, томительное, невыносимое! Въмѣсто горячо желаннаго покоя, этотъ анти-общественный инстинктъ раздора, въ свою очередь, вызываетъ изолированность, мрачный эгоизмъ, ожесточеніе, безвыходную скорбь и страданія. Но полное одиночество, совершенная оторванность отъ общества вовсе не представлялись поэту состояніемъ выгоднымъ, желательнымъ. Такое положеніе постоянно живо, болѣзненно чувствовалось имъ, тяготило, мучило его, такъ какъ онъ ясно сознавалъ всю его крайность и невыгоду. Небольшое стихотвореніе „Сосна“, не смотря на общій тонъ тихой, меланхолической грусти, достаточно ярко рисуетъ невыгодныя, тяжелыя стороны крайности, уединенности положенія. Одинокая, осыпанная снѣгомъ сосна томится своимъ сиротливымъ положеніемъ на голой вершинѣ дикаго сѣвера, точно такъ-же, какъ и прекрасная пальма, одиноко и грустно растущая на горючень утесѣ, палимомъ зноемъ полудня. Крайности положенія оторванности отъ общества всегда вызываютъ въ человѣкѣ лишь недовольство; только въ примиреніи противоположностей съ совмѣщеніемъ выгодныхъ сторонъ этихъ крайностей лежитъ залогъ внутренняго и внѣшняго счастья человѣка. Имъ не можетъ наслаждаться человѣкъ разорвавшій связи съ современнымъ ему обществомъ, неопредѣлившій въ немъ своего положенія, такъ какъ счастье въ жизни есть результатъ разумно-сознательной дѣятельности человѣка въ связи съ общою жизнью современнаго ему общества. Но Лермонтовъ слишкомъ далеко уже ушелъ въ своемъ отрицаніи общества. Подобно дубовому листку („Дубовый листокъ“), оторвавшемуся отъ родимой вѣтки, искавшему приюта у роскошной чинары и отверженному ею, поэтъ готовъ былъ возвра-

титься къ обществу, примириться съ нимъ, но самъ сознаетъ, что онъ, какъ и дубовый листокъ, „выросшій въ суровой отчизнѣ, до срока созрѣвшій, увядшій и засохшій отъ холода, зноя и горя“, достаточно увялъ въ роковыхъ буряхъ, подъ знойнымъ солнцемъ бытія, что буря сомнѣній и борьбы изсушила уже его настолько, что онъ не годится для жизни въ обществѣ и что приобрѣтенный имъ запасъ опытности и знаній, или, какъ самъ онъ выражается, „разказовъ мудреныхъ и чудныхъ“, окажется просто „небылицами“ для слуха „любимой солнцемъ чинары“, утомленнаго неутомнымъ щебетаньемъ райскихъ птицъ.

Такъ непривѣтливъ, раздражительно болѣзненъ, томительно тяжелъ внутренній міръ поэта, міръ его поэзіи, гдѣ онъ жилъ иною жизнью, былъ инымъ человѣкомъ, не тѣмъ, какимъ любилъ казаться въ обществѣ. Господствующее настроеніе его — печальное раздумье, никогда неутихающая борьба сомнѣній и страстей. Въ его поэзіи все вопросы и вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце. Его желѣзно-струнная лира чаще всего издавала болѣзненные и раздирающіе душу стоны, стоны безвыходной скорби, страданія и жолчнаго негодованія; жизнь почти не являлась ему веселыми своими сторонами.

Тѣмъ не менѣе поэту доступны были самыя мягкія душевныя движенія; по временамъ звучали самыя нѣжныя струны его сердца; прорывались иные трогательные мотивы, слышались чудныя, чарующія пѣсни; его теплое, любящее чувство высказывалось въ самыхъ увлекательныхъ формахъ и образахъ. Стоитъ припомнить, напр., его „Казачью колыбельную пѣсню“ — этотъ высоко-художественный апофеозъ матери-казачки, бѣдной женщины, богатой безкорыстными материнскими мечтами, ожидающей найти въ своемъ ребенкѣ не кроткаго, покорнаго, нѣжно-любящаго сына, а такого же, какъ и его отецъ, закаленнаго въ бояхъ героя, грозу коварныхъ и кровожадныхъ враговъ родины, беззаботнаго удалца, способнаго поддержать честь и славу казачества. Но и такіе мотивы и пѣсни вовсе



не искупаютъ и даже не заслоняютъ собою господствовавшаго въ душѣ поэта внутренняго разлада, ожесточенія и зловѣщихъ предчувствій, борьбы, тоскливыхъ надеждъ, отчаяннiя и жалобъ, почему поэзія Лермонтова не можетъ произвести на читателя успокоивающаго впечатлѣнiя, такъ какъ этого благодатнаго мира и покоя совершенно чужда была слишкомъ бурная душа самого поэта.